

14 февраля группа J:Морс обязательно даст концерт в Минске. На этот раз — вместе с Президентским оркестром. Нельзя сказать, что мы встретились с Владимиром Пугачем прямо в гримерке перед концертом, — нет. Да и разговор пошел не только и не столько о музыке. Впрочем, и о музыке тоже. В чем вы сами убедитесь, когда прочитаете фрагменты этой неспешной беседы.

Приложение к газете «Советская Белоруссия»

субботний собеседник

— Иногда плюю на все, сваливаю куда-нибудь и сижу две недели. Или вот: у меня была «цифровая детоксикация», как я называю: полтора года ходил с телефоном-звонилкой, без интернета. Притом что телевизора в доме тоже нет.

— Вы себя не сильно жалеете. То 33 кг долой, то 1,5 года в тишине...

— В жизни каждого человека много искушений. Например, тщеславие, которое есть у любого нормального артиста. Или зависть, которая ест тебя, точит изнутри, — они одной природы. Каждый с ними борется по-своему. Я — резко поворачиваю в сторону.

О забавном и веселом

— Не устаете от частых гастролей?

— На концертах происходит энергообмен, такой круговорот, он начинает интенсифицироваться — и вот этого не хватает, когда нет концертов.

— То есть это зависимость?

— Да! Это — зависимость.

— Чего нет, и никогда не будет в ваших песнях?

— Рифмы.

— А смысла?

— С точки зрения тех, кто считает, что в моих песнях нет смысла, — пожалуй, он и не появится. Это легко прогнозиру-

В детстве

— Каким был Пинск вашего детства?

— Такой благополучный речной порт. Зелень, набережная, оркестры. По парку гуляли офицеры, у них были кортики, и я очень хотел себе такой же. Пинск в отличие от Минска очень солнечный город. На две недели раньше зацветают сады,

Все тела

недели раньше зацветают сады, растут абрикосы и виноград. Того Пинска уже нет, он преобразился. Не в худшую сторону — в другую. Я бываю там у родителей.

— У вас же медицинская семья?

— Папа не врач, зато остальные все по отцовской линии — медики.

— Обычно это предопределяет выбор профессии. Как вам удалось извернуться?

— В буквальном смысле извернулся. До 9-го класса все были уверены, что я пойду в медуниверситет. Но все получилось наоборот: решил, что интереснее заниматься гуманитарными науками, и в 11-м классе быстренько выучил немецкий язык, которым до этого не занимался. И пошел на «международное право».

— Серебряная медаль в школе, в университете лекция на иностранном, английский за год по необходимости, потом работа юристом, позволяющая себя содержать, — тяжело все это было однажды отбросить, ради музыки?

— Как сказать... я же все равно параллельно музицировал. И хобби занимало в жизни все больше и больше места — и эмоций много забирало. Наступил момент, когда я перестал иметь возможность совмещать, — и выбрал. Продал юридическую фирму и стал заниматься только музыкой.

— Гастроли вмещались?

— И они тоже. И вообще, это как-то странно, когда ты юридически консультируешь серьезные конторы, встречаешься с ними днем в галстук, а вечером они видят тебя по телевизору с гитарой.

— На заре J:Морс лидеров там было два — вы и Артем Ледовский, вокалистов тоже два, прямо Леннон и Маккартни.

— С Артемом Ледовским мы

пульсируют

справка «СБ»

Пугач Владимир Витальевич — музыкант, основатель и лидер группы J:Морс, один из самых титулованных рок-музыкантов Беларуси. А еще он режиссер, сценарист, даже телеведущий. И юрист по образованию.

четверть века лучшие друзья. Просто у него фрагмент, когда было интересно заниматься музыкой, был коротким. Может, потому, что он чуть-чуть «недобыл» до нашего появления в телевизоре. Сейчас он в Австралии, дружим «по скайпу».

— В те годы вы думали, что хорошая одежда — это чистая одежда, хорошая прическа — вымытые волосы?

— Да. Интересовался содержанием, агрессивно презирая форму.

— А во сколько лет выяснилось, что правда в гармонии?

— Чем ты моложе, тем больше в тебе интеллектуального снобизма и радикализма.

— Так уж и интеллектуального.

— Спешу согласиться. Но это теперь понимаешь. А тогда... Женщина — вот что очень полезно, чтобы ощутить гармонию жизни.

О музыке

— Для песни что важнее — слова или мелодия?

— От жанра зависит. В джазе — мелодия, в русском роке — слова, наверное. У Боба Дилана, могу себе представить, тоже, скорее, слова. Все зависит от жанра, в котором ты работаешь. Набор выразительных средств, которые используешь, комбинируя и выбирая, что на переднем плане, что на заднем, — нет правил или алгоритма. Музыка, которую играем мы, предполагает мощную звуковую кулису. При этом я совершенно спокойно беру гитару

и один играю в актовом зале доревенской школы. Словом, пульсирую, как все тела во Вселенной.

— И в каком жанре работаете?

— Музыкальные произведения с текстом, я это так называю. Окончательно запутался, что такое рок, что не рок. Все разделения, которые были лет 20 — 30 назад, сейчас потеряли свою актуальность. Я играю музыкой, пою песни с аккомпанементом. А рок это или не рок — пусть разбираются те, кому это интересно. Информации в мире становится больше, как и музыки — огромное количество вкусов можно удовлетворить. Так развивается все.

— Надо ли удовлетворять все большее количество вкусов?

— Не знаю, надо ли, но это факт. Культура становится нишевой.

— Но если музыка — и культура — становится нишевой, то мы теряем абсолютные критерии, так?

— Абсолютные — это довольно условная позиция и, на мой взгляд, шаткая.

— Ну, вот «Давид» Микеланджело...

— Это классика. А классика

— то, что проверяется временем. Когда лет через 400 мы сможем прочитать учебник по истории культуры Беларуси, вот то, что там будет написано, — и есть классика.

— В Беларуси существует то, что называют словом «шоу-бизнес»?

— Я бы это назвал «отрасль хозяйства по производству музыки и киноматериалов». Все очень зарегулировано. Достаточно людей, которые хотят и такой фестиваль сделать, и вот такой, и в большом городе, и в деревне... Но нет публики, которые привыкли на них ходить.

— Не боитесь, что административные заботы о группе, гастролях, съемках, альбомах забьют, заглушат, как лебеда цветы...

кстати

Концертную программу «Беларускае золата» можно будет услышать 14 февраля в Prime Hall в Минске. В этот день прозвучат лучшие песни J:Морс в симфонических аранжировках. Дирижировать оркестром будет маэстро Виктор Бабарикин.

— Боюсь. Это болезнь моя. Иногда у меня от этого мозг разрывается. Это неправильно, ведь есть коллектив, на который я всегда могу полагаться. Но в голове сидит, что надо во все залезть детально, все процессы проконтролировать. И это напрягает людей вокруг, есть у меня такая черта. Неприятная.

— Лечитесь?

ется.

— Но вы — растете, развивается... А вдруг да пробьете эту стенку непонимания?

— Нет такой задачи. Как только я перестану получать удовольствие от процесса, я не смогу этим заниматься.

— Как вы боретесь с медными трубами?

— Это когда собрал все пуговицы и больше нечего собирать?

— И с этим тоже.

— Если занятие музыкой — это инструмент, социальный лифт, алгоритм достижения некоего социального статуса, тогда да, у тебя есть потолок. И ты в него упруешься своим индексом узнаваемости. Но если тебе нравится сам процесс, если сам перед собой ставишь задачи, которые тебе интересно решить: а смогу я вот такую музыку сделать или не смогу?... У меня всегда есть к чему стремиться, потому что задача — не собрать еще больший зал. Задача — сделать то, чего ты никогда не делал, попробовать по-другому.

— Нравится публике при этом — задача десятая?

— В какой-то момент это совпало. Если б я мог, наверное, занимался бы продюсированием: создавал продукт, который кто-то там купит. Но у меня так не получается, я пробовал, честно скажу.

— Бывает, что накачивает опустошенность, потому что непонятно, что дальше?

— Опустошенность эмоциональная у меня бывает от большого количества нахождения на публике. Это может быть как вынужденный шопинг, так и какие-то тусовки. Я люблю спокойствие, небольшую компанию, желательную в лесу.

— А чего никогда не будет на ваших концертах?

— Я думаю, пустого зала.

■ Андрей МУКОВОЗЧИК.
mukovoz@sb.by